

ГЛАВА I

ОСТРОВ СКЕЛЕТА

Тихий океан очень большой. Недаром его еще называют Великим. А наш остров очень маленький. Папа как-то сказал, что если на карте Тихого океана изобразить наш остров точкой, то эта точка будет в тысячу раз больше нашего острова.

Вокруг острова — безбрежная морская синева. Над островом — бесконечное небо, с которого яростно светит огромное жаркое солнце. Но от жары мы не страдаем — над островом постоянно веют муссоны и пассаты. Они раскачивают лохматые кроны пальм и морщат синюю воду в лагуне.

В лагуне мелко, не бывает большого волнения и не бывает акул, и мы с Алешкой все время купаемся здесь. А Лешка к тому же еще и

охотится на рыб. Как настоящий абориген. Он садится верхом на обрубок пальмового ствола и выгребает на середину лагуны. В одной руке — гребок, что-то вроде короткой лопатки, а в другой — острога, которую ему подарил местный абориген по кличке Тими. Острога — это короткая палка, на конце которой острый зазубренный шип (тоже от какой-то местной рыбы).

Алешка наловчился. Когда он приходит в нашу хижину с добычей, папа говорит:

— Ты, Алексей, прямо как в магазин за рыбой ходишь.

После купания и охоты мы подолгу валяемся в тени самой большой кокосовой пальмы. Хотя местный абориген по кличке Тими предупредил нас, что этого лучше не делать. С верхушки пальмы иногда срывается здоровенный кокосовый орех и летит вниз. Если такой орех, величиной с футбольный мяч, попадет в лоб, мало не покажется — это не лесной орешек. Но нам пока везет — орехи падают рядом, некоторые с треском раскалываются, и мы попиваем в прохладе кисленькое кокосовое молочко.

Вы нам позавидовали? Не торопитесь. Сна-

чала узнайте, как мы сюда попали и что мы здесь делаем.

Вообще-то я уже об этом немного рассказывал. Но напомним тем, кто забыл, и расскажу тем, кто об этом не знает...

Нашего папу (он полковник милиции, сотрудник Интерпола) послали в очень далекую служебную командировку. На Тихий океан. В этом огромном океане он должен был разыскать и задержать одного опасного жулика по фамилии Оленин. Этот Оленин натворил всяких поганых дел и скрылся на одном небольшом острове, где готовился совершить еще одно большое преступление. Как раз в этот район Тихого океана направлялось научно-исследовательское судно «Афалина». И папу взяли на него под видом богатого бизнесмена, для конспирации. Потому что, по оперативным данным, на это же судно устроился и сообщник Оленина. Для еще большей конспирации папа и нас с Алешкой взял в это плавание, как хулиганистых детей олигарха.

Ну мы с ним и развернулись! Сначала разоблачили сообщника Оленина. Им оказался боцман по фамилии Шмага. Но все его назы-

Тусовка на острове Скелета

вали Шмыгой, потому что у него был хронический насморк, и он все время хлюпал носом. И еще он притворялся глухим и постоянно носил на пузе слуховой аппарат в виде плеера, а на самом деле это была очень хитрая рация. Он с помощью этой рации подслушивал секретные разговоры капитана с нашим папой и все эти сведения передавал нашим врагам — международным пиратам. И вообще вредил, чем мог, на корабле.

Ну, мы с Алешкой его разоблачили, а заодно устроили так, что эти пираты на своем корабле застряли посреди океана на здоровенной скале. А мы в конце концов застряли на том самом острове Кокос, где затаился жулик и бандит Оленин.

Этот Кокос — не простой остров. Существует мнение, что это тот самый Остров сокровищ, о котором рассказал замечательный писатель Стивенсон. И Алешка, конечно же, в поисках пиратских сокровищ обшарил все уголки острова, но вместо клада с пиастрами нашел громадный полуподводный грот, в котором Оленин со своими братками прятал оружие и всякое снаряжение, чтобы захватить нашу «Афалину» и заняться морским разбоем.

Ну и ничего у них не вышло. Мы с Алешкой их повязали (правда, нам в этом немного помогли папа и его сотрудник Алешин, который под видом матроса тоже плавал с нами на «Афалине») и заперли в «па».

«Па» — это у туземцев-полинезийцев такая круговая ограда из заостренных пальмовых стволов. А за оградой — большая хижина. Во время войны между племенами в этом самом «па» укрывались старики, женщины и дети, как в крепости. А в мирное время это была резиденция вождя.

В хижине было две комнаты — передняя и задняя. Передняя — большая, а задняя — маленькая и без окон. Вот в эту заднюю комнату мы и загнали задержанных и подперли дверь боевой дубинкой, которую подарил Алешке местный абориген Тими.

Через несколько дней «Афалина» со своим экипажем и учеными отправилась по своим научным делам, а мы остались дожидаться интерполовский вертолет, который должен был забрать оружие, спрятанное Лениным на острове, самого Оленина с его сообщниками и нас с папой. Кстати, на «Афалине» отправился на нашу Родину и Алешкин подарок. Когда мы

Тусовка на острове Скелета

Валерий ГУСЕВ

собирались в плавание, Алешкина одноклассница Леночка Стрельцова (его первая любовь, или четвертая, не помню точно) попросила привезти ей в подарок от Тихого океана «большую-пребольшую» ракушку. На одном из островов, куда «Афалина» зашла заправиться пресной водой и свежими фруктами, в музее полинезийского быта Алешка такую раковину приглядел. Она лежала у входа в музей, называлась по-научному «тридакна» и была средних размеров, примерно с легковой автомобиль, и весила сто шестьдесят килограммов. Алешка выменял ее на... свои валенки. Дело в том, что наша мама, когда узнала, что летом в тропиках зима, тайком в Алешкин чемодан засунула на всякий случай его старые валенки. На местных работников музея они произвели потрясающее впечатление. И, наверное, сейчас лежат под стеклом с надписью: «Зимняя обувь. Дар А. Оболенски».

Капитан «Афалины», скрипя зубами и скрепя сердце, распорядился с помощью лебедки поднять тридакну на палубу. И пообещал, сквозь зубы и положив руку на сердце, доставить ее по назначению.

«Афалина» отплыла, а мы остались. А верто-

лет за нами все никак не прилетал. И положение наше становилось все сложнее. И опаснее. Ведь мы жили среди диких островитян. Правда, это были очень милые и добродушные люди, в основном бронзового цвета с черными курчавыми волосами и с очень белыми зубами. И мужчины, и женщины носили коротенькие юбочки из пальмовых листьев, а на головах и шеях у них всегда красовались венки из белых и красных цветов.

Они всегда веселы и дружелюбны. Все время бродят по острову шумной ватагой, приплясывая и смеясь. Или собираются под огромным священным баньяном. Это такое дерево с воздушными корнями, которые служат подпорками для кроны. И сидят они под этим баньяном, будто в большом зале с колоннами, решают самые важные свои дела. В основном выборы нового вождя. Это у них любимое занятие. Иногда они по три раза в день меняют своих вождей. Раньше, в старое доброе время, старого вождя тут же, под баньяном, съедали под пение и пляски (у них даже в некоторых хижинах сохранились для этого обычая специальные деревянные вилки), а теперь все стало скучнее — просто отбирают у сверженного

Тусовка на острове Скелета

вождя его жезл и передают новому. Жезл — это что-то! Такая палка, украшенная резьбой и разноцветными перьями, а на ее верхушке — белоснежный человеческий череп, зловеще скалящий несколько зубов.

Когда мы прибыли на остров, вождем у них был прохвост Оленин. Они называли его Бескрылый Олень. А когда мы его свергли и арестовали, островитяне тут же избрали вождем нашего папу. И надели ему на шею ожерелье из раковин и акульих зубов. И хотели вручить жезл. Но папа вежливо отказался. Он сказал, что плохо знает обычаи этого великого народа и поэтому может не оправдать его высокого доверия. Тогда вождем стал прежний старший советник Ваувау, потом Тими, потом еще кто-то, а кто сейчас у них вождь, я даже и не знаю. И не удивлюсь, что на следующий срок они выберут вождем нашего Алешку. Уж он-то справится!

Еще островитяне любят получать и делать подарки. Это всегда для них прекрасный повод поплясать на берегу. Когда Алешка подарил своему другу, местному аборигену Тими, севшую батарейку от фонарика, радостные

островитяне праздновали это событие три дня и три ночи.

Праздники у них вообще главное занятие. По любому поводу. Праздник Полной луны, праздник Молодой луны, праздник Безлунной ночи. Праздник Пойманной акулы, праздник Акулы, сорвавшейся с крючка.

Даже если кто-нибудь из них неосторожно падал с пальмы и ломал себе ногу, тут же устраивался праздник Большой ноги с песнями и танцами, при свете факелов, чтобы больной поскорее выздоравливал и снова лазил на самые высокие пальмы. С риском свернуть себе уже не ногу, а шею. А праздники у них интересные. Необычные такие. Прошло уже много времени, а я их все еще помню. И во сне вижу.

...С океана надвигается тропическая ночь. На берегу уже горят огни. Не очень яркие, конечно, электричества на острове нет, но красивые. Факелы такие: палка, на ее конце — половинка кокосового ореха, как чашка. А в ней какое-то масло из семян какого-то дерева, и в нем плавают фитиль из каких-то волокон.

В общем, светильник. Не очень-то он и светит, зато сильно трещит и разбрасывает во все стороны горячее масло.

Нас встречают как самых дорогих гостей и с песнями проводят под баньян, усаживают за стол.

Стол очень интересный. Две канавки параллельно друг другу. А то, что между канавками, — это и есть стол. Садись, ноги — в канаву, и скатерть не нужна.

На столе расставлены приборы — пальмовые листья. Здесь же, в длинный ряд, стоят такие же светильники, только без палок, и так же светят и брызгают горячим маслом.

Во главе стола — очередной вождь. По обычаю он втыкает в землю рядом с собой свой жезл с черепушкой. И кажется, что там сидят два вождя. Один живой, а другой тот, которого уже давно съели.

Девушки в венках и в ожерельях разносят угощение: печеные бананы и бананы сырые, бананы большие и бананы пальчиковые, печеную рыбу и сырую рыбу в лимонном соке, акульки плавники и какие-то ракушки, жареную свинину с какими-то приправами — вкуснятина! Только вот зловещий череп во главе стола немного портит аппетит.

А потом начинаются народные песни под грохот барабанов и сушеных тыков, наполнен-

ных мелкими камешками. А после песен — танцы. Еще веселее и громче. Очень красиво и необычайно. Диковато только. Тропическая ночь. Тропическая луна. Тропическое дерево. Колеблющийся свет факелов. И яростные танцы аборигенов в юбочках из листьев. А среди них и наш Алешка прыгает.

Он вообще на острове быстро освоился, будто здесь родился. Загорел до черноты, рыбу бьет острой, на пальмы взбирается и плавает в лагуне не хуже аборигена Тими. И никакие табу не соблюдает.

Табу — это запрет на что-то. Очень крепкий запрет. Никто его никогда нарушить не посмеет. И эти табу у них такие интересные бывают! Вот, например, аборигену Тими нельзя касаться руками весел. И он, когда выходит в море рыбачить, гребет на своем каноэ ладонями. Аборигену Меани нельзя лежать или сидеть на голом песке. И он повсюду таскает с собой плетеную циновку.

Ничего, конечно, странного в этом нет. Ведь у нас тоже есть табу. Только никто их не соблюдает. Есть, например, хороший запрет не свинячить на улице. И что? Здорово его соблюдают? А для островитян запрет — суровый

Тусовка на острове Скелета

закон, и никто никогда его не посмеет нарушить. Ни в одну курчавую голову это не придет.

Но вполне возможно, что в эти головы придет желание совершить переворот и освободить, и вновь вернуть на трон сверженного нами монарха. Вот тогда нам придется очень не сладко. Потому что их человек двести, а нас всего четверо, из них двое — пацаны Димка и Алешка. И хоть у нас есть оружие, никто из нас не станет стрелять в живых людей.

А вот задержанные, если островитяне их освободят, стрелять в нас станут. Пока они сидят смирно, взаперти, но кто знает, что они там, в темноте задней комнаты, замышляют.

Вот такой расклад, как говорит папа. Но в этом «раскладе» он пока не знает одной вещи. Важной и загадочной. Дело в том, что наш Алешка, шастая по острову, пробрался на его дальний скалистый берег, куда не ступала нога человека — табу! И он обнаружил, что за узким проливом есть еще один островок, который Алешка назвал (по Стивенсону) островом Скелета. Так вот, на этом островке, оказывается, живет какой-то дикий человек. В смысле — одичавший. Какой-то заброшенный Робинзон.

Алешка сразу же вообразил, что этого человека высадили на этот остров в наказание за какой-нибудь проступок. Так часто поступали в давние времена жестокие капитаны парусников и кровожадные пираты.

Однажды мы даже пересекли пролив, полный громадных акул, на резиновой лодке, которую Алешка, обнаруживший оружейный склад Оленина, предусмотрительно «заныкал про запас».

Мы подобрались тогда к маленькой хижине и услышали, как дикий человек что-то неразборчиво напевает хриплым голосом.

— Эту тайну, — сказал потом Алешка, — надо раскрыть.

— Папе?

— Сами раскроем. Папе и так забот хватает.

Да, забот папе хватало. Особенно с задержанными. Их было четверо, наручников на всех не хватало, поэтому приходилось все время за ними приглядывать. Папа и его сотрудник Алешин спали по очереди, не спуская с них глаз. Да и вертолета все не было и не было.

В общем, в один прекрасный день Алешка заявил мне:

— Плыдем к дикарю, Дим. Знакомиться.

Тусовка на острове Скелета

— А вдруг он нас съест? — серьезно спросил я. — Может, его как раз за людоедство отселили.

— Не съест — у нас автомат есть.

Это правда. Алешка, когда ходил на разведку, спер у Оленина два автомата. Один он отдал папе, а другой предусмотрительно «заныкал про запас» под тем же кустом, где пряталась надувная лодка. Правда, этот автомат был без патронов. И я сказал об этом Алешке, на что он беззаботно заявил:

— А дикарь об этом не знает.

Все, вопрос решен. Отправляемся. На остров Скелета.

Мы сказали папе, что идем ловить рыбу, пошли в сторону лагуны, а когда скрылись с его глаз, свернули в тропическую чащу. Здесь хоть и в тени, было очень душно. Сюда не пробивались пассаты, и в воздухе стоял тяжелый насыщенный запах всяких тропических цветов.

В эту часть острова аборигены никогда не заходили. Во-первых, табу, во-вторых, делать тут им было нечего. Здесь не росли кокосовые и банановые пальмы, не водилась океанская рыба. Тут были густые заросли цветущих кус-

тарников, у которых колючек было больше, чем цветов.

Вскоре мы выбрались на берег. Пролив был не очень широкий, но с сильным течением. И полный акул. Они так и шныряли в прозрачной воде, охотились. Хорошо, что не за нами. Но, честно говоря, дикий человек внушал мне больше опасений, чем целая стая акул. Кто его знает, до какой степени он дикий? И кусает еще. Автомат без патронов — слабая защита. Особенно от человека, который не знает в силу своей дикости, что это такое.

Алешку, похоже, подобные мысли не тревожили. Он беззаботно нырнул в кусты, вытащил лодку и автомат. Мы накачали плавсредство, спустили его на воду, и я взялся за весла.

Пролив мы пересекли быстро, правда, нас сильно снесло течением, и пришлось довольно долго пробираться сначала по берегу, а потом опять густыми колючими зарослями в глубь острова.

Приближаясь к хижине, мы пошли осторожнее, легко ступая и стараясь, чтобы колючки кустов не цеплялись за нашу одежду.

Потянуло дымком от костра.

Тусовка на острове Скелета

— Заодно и пообедаем, — шепнул мне Алешка.

— Как бы нас самих в котел не пустили, — шепнул я.

— А у нас... — Алешка растерянно взглянул на меня. — Дим, а где автомат?

Автомат остался в лодке!

— Пошли назад, — решительно сказал я.

— Ну да! Так и будем туда-сюда бегать! Тише! Вон он! — Алешка раздвинул ветки.

Мы осторожно выглянули.

Перед хижиной горел костер. И сидел возле него обросший волосами человек в лохмотьях. Правда, лохмотьев на нем было очень мало. Только какое-то тряпье на поясе. А все остальное — сплошной загар.

Он сидел на корточках, что-то бубнил себе под нос и чистил авокадо.

Не успел я схватить Алешку за руку, как он решительно шагнул из кустов.

Человек вскочил — плоды покатались с его колен на землю — и уставился на нас, хлопая глазами. Он долго молчал, хмурясь, будто пытался что-то вспомнить. Потом нагнулся и поднял с земли дубинку — обломок весла. И сказал:

— Гы!

Алешка смело шагнул ему навстречу и тоже сказал:

— Гы!

Человек расплылся в неожиданной улыбке и стал приплясывать на месте. Обеду, что ли, обрадовался? В виде нас...

Алешка сделал еще один шаг и ткнул себя пальцем в грудь:

— Лё!

Человек засмеялся хриплым голосом, ткнул себя пальцем в грудь и радостно сказал:

— Ва!

Вот и поговорили.

Только вот кто из них этот Лё-ва?

Алешка достал из кармана крекер и протянул этому... Ва.

Тот осторожно взял его, откусил, нагнулся, подобрал авокадо, обдул его от прилипшего песка и протянул Алешке.

— У! — сказал Алешка, и дикарь опять заплясал на месте.

Обменялись, значит, дарами природы.

Дикарь, все так же улыбаясь, снял с костра мятую закопченную кастрюлю и жестом пригласил нас в хижину.

Тусовка на острове Скелета

Мы вошли. В этой хижине был удивительный порядок. Постель, сплетенная из листьев, самодельный стол, чурбачок вместо стула. Полка, на которой выстроились ровными рядами красивые раковины и ветки кораллов. На стене — лук со стрелами, копье. В дальнем углу — еще один столик, похожий на письменный. На нем лежала стопка бумаги (потом мы узнали, что это высушенные и ровно обрезанные пальмовые листья), стояла чернильница из маленькой тыковки и в ней торчало птичье перо.

Словом, не просто хижина, а тропический кабинет ученого.

Дикарь поставил кастрюлю на стол и, протянув Алешке ложку, сказал:

— О!

Алешка смело попробовал варево и тоже сказал, прямо с восторгом:

— О! Дим, попробуй. Классная уха. Из океанических рыб.

На меня дикарь не обращал никакого внимания. Он, наверное, думал, что Алешка — великий вождь Лё, а я его слуга Ди.

Но уху я все-таки попробовал, действительно — «О!».

Дикарь опять начал приплясывать. Он, наверное, сто лет не видел людей и страшно нам обрадовался. Особенно великому вождю, который свободно объяснялся на его дикарском языке.

Лешка смело (точнее, нахально) обошел хижину, показал на полку и протянул с восхищением:

— У-у-у!

— У! У! — закивал дикарь, схватил самую крупную и красивую коралловую ветвь и протянул Алешке.

А что дальше? Так и будем мычать?

— Как вас зовут? — спросил я дикаря громко и раздельно.

Он хмуро взглянул на меня, сосредоточился и буркнул, ткнув себя пальцем в грудь:

— Ва!

— Он все понимает, — сказал Алешка. — Он только слова плохо помнит. Его зовут Валя!

Ва перевел взгляд на Алешку и отрицательно покачал головой, подумал и упрямо повторил:

— Ва!

— Васька? — спросил Алешка. — Гы?

— Нет гы, — уперся дикарь. — Ва! — Поду-

ТУСОВКА НА ОСТРОВЕ СКЕЛЕТА

мал еще, прямо было слышно, как у него ржавые мозги заскрипели, и добавил: — Ня!

Алешка недоуменно взглянул на меня, пожал плечами. Я усмехнулся:

— Ваня.

Дикарь от радости подпрыгнул так, что чуть не достал головой до потолка. И зачастил, приплясывая:

— Ва-ня! Ва-ня!

Вот и познакомились. И подружились.

Алешка забрал коралловую ветвь и сказал:

— Пока. До скорого.

Дикарь улыбнулся — понял. Зубы у него были белые-белые, будто он их каким-нибудь «Кометом» чистил. И он повторил за Алешкой:

— По-ка!

И пошел нас провожать. Не знаю, как он догадался, откуда мы пришли, но провел нас к берегу своей тропкой. Коротким путем.

— Мо-ре, — сказал он, поведя рукой вдоль берега.

— А то я не знаю, — сказал Алешка.

— Лод-ка, — сказал дикарь. Он явно делал успехи. — Лод-ка.

А вот лодки-то и не было.

— А где лодка? — спросил меня Алешка.

— А я знаю? Ты ее привязывал. Вот к этой коряге.

Алешка виновато поскреб макушку.

— Дим, я ее здорово привязал. Шлюпочным узлом.

А я и не сомневался. За время плавания на «Афалине» Алешка здорово наловчился всякие морские узлы вязать. И рифовый, и прямой, и шкотовый, и шлюпочный, и даже какой-то загадочный рыбацкий штык.

Я подошел к коряге и ахнул. Узел не развязался. Веревка была обрезана. На коряге осталась ее петля — кусочек шлюпочного узла.

— Ни фига! — удивительно спокойно сказал Алешка. — Акула, что ли, перекусила?

— Ага, земноводная. Травоядная.

— Дим! — выдохнул Алешка, дошло до него. — А ведь в лодке автомат лежал!

Да, теперь ни автомата, ни лодки. И кто это сделал? Зачем?

— Лод-ка! — вмешался разговорчивый Ваня. И опять забарабанил себя в загорелую грудь: — Мой лод-ка твой! При-вет!

— Дим, переведи, — растерянно попросил Алешка. — Ты что-нибудь понял?

— Он нам свою лодку предлагает, — «пере-

Тусовка на острове Скелета

вел» я. — Он говорит: «Был мой лодка — станет твой лодка». С приветом.

— Кто с приветом? Лодка?

Дикарь недослушал, подпрыгнул на месте, скрылся за береговой скалой и выплыл из-за нее на лодке. Лодка тоже была дикая — вырубленная из ствола дерева. На нее смотреть-то страшно, а уж над акулами на ней плавать — спасибо, привет!

Ва-ня причалил к берегу и стал что-то горячо объяснять. Попробую повторить:

— Ва-ня! Гы! У-у-у! Лод-ка! Гы! На-зад! Лё. По-ка! — И вытащил из лодки тонкую лиану, свернутую в моток, стал совать мне ее под нос.

Тут уж я оказался бессилён в роли переводчика. Но Лешка сообразил, что значат эти «Гы» и «У-у-у».

— Дим, гы! Привяжем эту лианку за корму, а он потом лодку притянет обратно. Гы?

— Лё — лодка — Ва-ня! Гы! — засмеялся дикарь.

Да, не такой уж он и дикарь, этот Ва-ня. Соображает.

— Поплыли с нами, — предложил ему Алешка.

Ва-ня аж задрожал — так испугался, замахал в сторону нашего острова, затоптался на месте:

— Табу! У-у-у! Ням-ням Ва-ня!

И такой страх был в его глазах, что мы даже поежились. Кто это его там «ням-ням»? Правильно Алешка говорит: тут какая-то мрачная тайна...

Переpravлялись мы по очереди. Лодка была такая хлипкая, что двоих не выдержала бы.

Когда мы оба оказались на своем берегу, Ва-ня притянул лодку и помахал нам.

Мы тоже помахали ему и пошли домой. Домой... Хорошо сказано, да не про нас. Наш дом — за многие тысячи миль отсюда...

ГЛАВА II

«А ГДЕ БОЦМАН?»

Мы сделали небольшой крюк, чтобы показать, будто идем с лагуны, после неудачной охоты за рыбой. Не успели мы подойти к баньяну, как из-за него вышел Алешин. Он был сердит и встревожен. И с автоматом на плече.

— Вы где бегали? — спросил он. — Полковник в гневе. Сейчас вам будет!

— А мы — что? Мы — ничего, — ответил

Тусовка на острове Скелета

Алешка с обидой в голосе. — Мы рыбу ловили. Чтоб вас накормить. Вы так много жрё... едите.

Алешин оглядел нас, сердито пыхтя. И сказал:

— Пошли в «па». Будете до вертолета там сидеть.

— Еще чего!

Алешин вздохнул и сказал негромко:

— Боцман удрал.

— Подумаешь! — как-то странно фыркнул Алешка, будто это и не новость. — Куда ему бежать-то? К акулам?

— Вот и я думаю: куда ему бежать? Но ведь нет его нигде. Я весь остров уже обошел.

— В гроте смотрели? — спросил я.

— А то! В первую очередь.

— А в хижинах? — озабоченно спросил Алешка. — Прячется у кого-нибудь в чемодане.

Алешин покачал головой.

— Может, он утопился с горя? — предположил Алешка.

И тут до нас кое-что дошло: так вот куда делась наша лодка с автоматом!

Алешка нахмурился, соображая.

— Не понял, — признался он. — А как же он через пролив перебрался? Его бы там живо акулы схавали...

Оглавление

Глава I	
ОСТРОВ СКЕЛЕТА	5
Глава II	
«А ГДЕ БОЦМАН?»	27
Глава III	
«ГЫ!».	40
Глава IV	
ЗАГАДКА ОДИНОКОГО РОБИНЗОНА.	57
Глава V	
УЛИЦА АЛОЕВА	75
Глава VI	
ФИРМА «КОЛУМБ»	89
Глава VII	
ДНЕВНИК ВЛЮБЛЕННОЙ ДАМЫ	109
Глава VIII	
КРАДЕННЫЕ ЗАПЧАСТИ.	122
Глава IX	
МРАЧНАЯ ДАЧА	140
Глава X	
«РАЗБОГАТЕЛИ!»	157
Глава XI	
ТЕТЯ НАДЯ И ДЯДЯ ВИТЯ	171
Глава XII	
КАТЬКА В РАКУШКЕ.	191
Глава XIII	
РАСПЛАТА	210

